

Пустой зал — мое поражение

Знаменитому режиссеру Ежи ГОФМАНУ 15 марта исполнилось семьдесят лет. Живой классик польского кино, автор "Гангстеров и филантропов", "Пана Володыевского", "Потоп", "Огнем и мечом" продолжает снимать, ездит на фестивали, общается со зрителями. И, как и положено классику, пытается анализировать окружающую его действительность.

— Пан Гофман, подозреваю, что за свою жизнь в кино вы неоднократно сталкивались с цензурой. Существует ли она сейчас?

— У меня есть самоцензура. И я считаю, что настанет время цензуры, особенно после недавних терактов. Настанет время, когда нельзя будет делать фильм апофеозом зла, снимать жестокость ради жестокости. Потому что молодой человек не всегда отличает фильм от жизни.

— То есть вы считаете, что кино может влиять на жизнь?

— Если убийство так легко происходит на экране и остается безнаказанным, значит, оно перестает иметь значение. Тогда почему бы не убить в реальности? Если продюсеры не поймут, к чему может привести их продукция, у режиссеров должна будет появиться самоцензура.

— Но на человека негативно может повлиять все что угодно, в том числе дождь. Это не значит, что дождь нужно запретить.

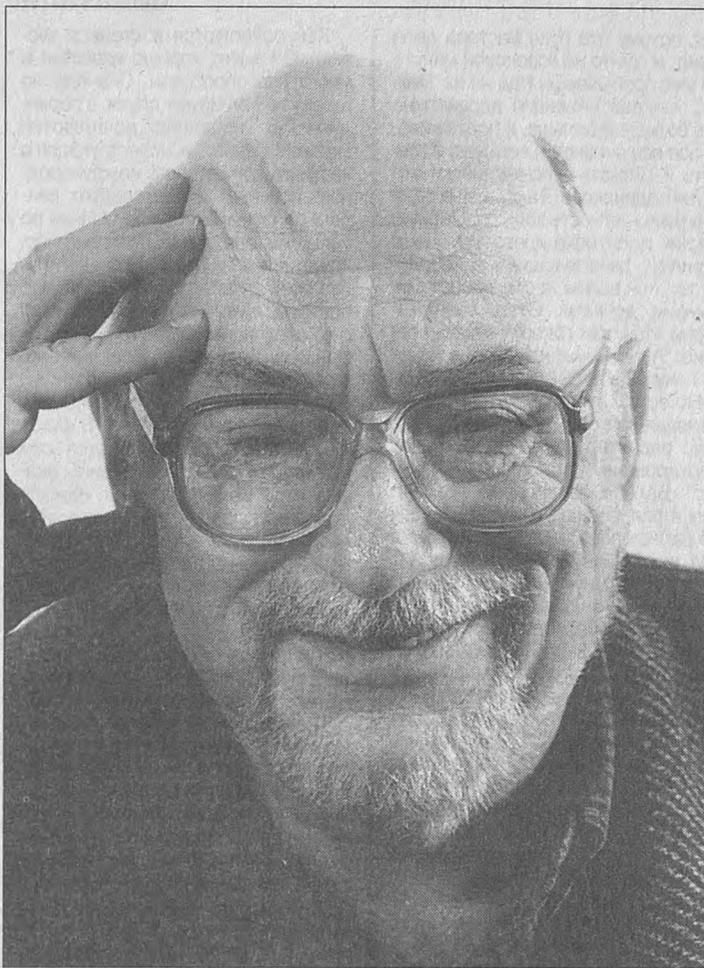
— По-моему, это демагогия. Конечно, нужно быть очень осторожным, ведь одна цензура может повлечь за собой другую, и в результате появится та, с которой мы боролись. Я знаю только одно — нельзя пропагандировать зло, с ним нужно бороться. Конечно, у неуравновешенного человека в состоянии депрессии и дождь может вызвать тягу к насилию. Человек в возрасте сорока лет еще не до конца сформировался как личность, у него еще не выработались устойчивые этические нормы, он податлив к влиянию извне. Ребенок воспринимая — этим пользовались коммунисты, нацисты, любой тоталитарный режим. И после этого мы должны давать детям пример безнаказанности зла, делать преступника героем?

— Конечно, хочется, чтобы в фильмах побеждало добро. Но в жизни такое случается не всегда.

— В фильме добро может и не победить. Однако победа зла должна вызывать у зрителя протест, сожаление, огорчение, а не восторг.

— Но Джокер более привлекателен, чем Бэтмен. На экране зло вообще более интересно, чем добро, это — аксиома.

— У каждого из нас есть положительные и отрицательные качества. Важно то, какова дорога человека, каков его выбор. Если ты считаешь себя великим художником, занимайся творчеством для избранных. А если ты считаешь, что творчество — твоя профессия, если ты хочешь, чтобы плоды твоих трудов увидели миллионы, это уже другое дело. Я знаю многих людей, которые снимают кино и считают, что говорят о каких-то глубоких философских проблемах. Но для того, чтобы снять глубокий фильм, нужно самому обладать такой глубиной, иметь что сказать. А им в большинстве своем сказать-то нечего, и

Е.Гофман

аурой непонятности они прикрывают отсутствие мысли. Людей величины Феллини или Бергмана мало. А для меня кино вышло из балагана. Чаплина, который умел разговаривать с собой дружно, и с интеллектуалами, смотрит весь мир. Но не благодаря тому, что он нес в себе некую философию, — он имел сердце. И у Феллини моим самым любимым фильмом является "Дорога", а не "8 1/2". Я — художник (если я могу себя так называть), который в первую очередь дорожит своими чувствами. И никогда бы не взялся за экранизацию Достоевского. Моя покойная жена Валентина, которой я очень многим обязан, говорила: "В тебе нет комплексов. Значит, ты не сможешь сделать настоящему глубокий фильм". Да, у меня нет комплексов, и я прихожу в кино как зритель — с радостью смеюсь, с радостью плачу. Пустой зал — мое поражение. Я должен следить за тем, что происходит в кино, как снимают, как монтируют, как ведут действие. Слежу за реакцией молодых. И стараюсь подать то, что хочу, в интересной для молодежи форме. Вот и все.

— Пан Гофман, откуда в современной Польше такой интерес к масштабным историческим постановкам?

— На самом деле исторические фильмы не занимают значительного места в кинематографии Польши. В основном режиссеры снимают современность. Лучше, хуже, но картин на современном материале действительно много. Именно их поощряет критика. Но фильмы, основанные на общеизвестной литературной классике — "Огнем и мечом", "Пан Тадеуш", "Quo Vadis", — большие дорогие постановки, на которые, естественно, выделяется много денег для рекламы. Живем в рыночной системе, и государство не в состоянии финансировать масштабные проекты. Мы с "Огнем и мечом"

были первыми, кто получил кредит польского банка, — последний раз такой кредит выдавали в 1939 году. Так вот, чтобы вернуть кредит, нужно много зрителей. И промушн обращен на то, чтобы дать максимальную известность картине. Исторический фильм, имея за собой литературную традицию, а перед собой — деньги на рекламу, естественно, собирает самую большую кассу. Но это не закон, потому что зритель все понимает. Поэтому некоторые фильмы получают полные залы, а некоторые — тишину и забвение. Независимо от того, на каком материале они основаны. Если у вас снимут новую экранизацию "Войны и мира", она будет иметь зрителя?

— У нас давно не появлялось масштабных исторических полотен, не считая, может быть, "Русского бунта", так что прогнозы строить сложно.

— У вас есть проблема, которую мы уже пережили. Был момент падения зрительского интереса к кино вообще. Казалось, что телевидение и видео погубят кинематограф. Но экономика страны шла вперед, и наступило своего рода возрождение. И в России, и в Польше сейчас нет среднего класса, у вас его нет еще в большей степени, чем у нас. Чтобы пойти в кино, нужно иметь деньги. Основной зритель по всему миру молод, а откуда у молодого человека деньги на два билета и кока-колу? Думаю, ваш прокат, как и наш, возродится именно в тот момент, когда у молодежи появится возможность пойти в кинотеатр. За свои деньги зритель хочет оторваться от повседневности. К тому же, помимо кажущейся грубости и ожесточения наших молодых, в них все равно дремлет тяга к романтике, к чему-то красивому и хорошему. Думаю, что девушки все еще мечтают о большой, настоящей любви, о благородном герое. Кино должно дарить надежду.

— Задам вопрос по-другому: почему вас притягивает история, а не современность?

— Почему в результате я перестал заниматься современностью? Потому что я нахожусь вне молодого поколения и уже не совсем понимаю их язык, их проблемы. Разница поколений существует, и каждая моя попытка сделать фильм о проблемах современной молодежи людей оказывается неудачной. А история — мое хобби. Если бы не стал режиссером, стал бы историком.

— Многие ваши фильмы — экранизации. Меня интересует проблема авторства, но не юридического, а морального. Кому принадлежит фильм — вам или все-таки автору первоисточника?

— Может, это и несправедливо, но, думаю, все-таки режиссеру. Потому что фильм — его трактовка. Чей фильм "Огнем и мечом", Сенкевича или мой? Конечно, Сенкевича. Но и мой, потому что своим фильмом я показываю то, как я вижу прозу Сенкевича. Наши националисты говорили мне, что "Огнем и мечом" — антипольская картина. А националисты в Украине утверждали, что я сделал антиукраинскую картину. Но огромное число людей и в Украине, и в Польше восприняли фильм как свой. Думаю, что можно сделать картину о драматических взаимоотношениях между двумя народами, которая будет не разделять эти народы, а объединять. Я читал книгу очень внимательно и нашел в ней то, что хотел найти. Не меняя при этом Сенкевича.

— При экранизации вы не можете совершить ошибку, интерпретировать произведение не так, как того хотел автор?

— Не ошибается только господь Бог, хотя его решения часто нам непонятны. Бояться ошибок — значит ничего не делать! Был прекрасный педагог и теоретик кино, любимец Лодзинской киношколы. Но когда он встал за камеру, оказалось, что он не может ничего снять. Потому что он знал все о кино, и как только что-то приходило ему в голову, он сразу понимал — это уже было. Все было! Ведь и в отношениях между мужчиной и женщиной есть определенное количество возможностей. И что?..

— Кино развивается, с ним меняется зритель. Мы воспитывались на литературе, а сейчас молодежь воспитана на телевидении, на видеоклипе, зритель быстрее реагирует. Однажды я смотрел американский детектив, а рядом со мной сидел пятилетний мальчик, который знал, что будет дальше. Он не видел этого фильма, но видел столько таких же! Они быстрее ассоциируют, по-другому видят. И нам тоже надо меняться. В нашей жизни произошла техническая революция, сексуальная революция. После террористических актов мы вообще находимся в другом мире. Вокруг нас — новый мир, к старому возврата нет. Но вдруг оказалось, что можно написать книгу, за которой будут стоять в очереди нечитающие дети и их нечитающие родители. Я говорю о Гарри Поттере. Значит, дети все-таки хотят читать. Просто к ним нужен новый подход. Что-то из сказки, что-то из современной жизни, сочетание благородства и таинственности — все это опять востребовано. Так что я — оптимист.